

О ПОГРАНИЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ФОЛЬКЛОРНОЙ МЕТРИКЕ

А. М. Петров

Карельский научный центр РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
Поступила в редакцию 12.11.2025 г.
Принята к публикации 15.03.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12

Рассмотрены некоторые диффузные явления стихотворной метрики: гетерометрия, гетероморфный стих, метрическая амбивалентность, размытые границы между системами стихосложения. Эта проблема находится в центре внимания стиховедов довольно давно, однако большинство работ выполнено на материале литературных текстов. Мы демонстрируем некоторые образцы «пограничных» явлений, выявленных в фольклорном стихе (или в стихе, близком к фольклорному). Объект изучения — поздние духовные стихи, имеющие форму трехстопного хорея. Массив текстов представлен двумя основными разновидностями: 1) стихи со сплошными женскими клаузулами и ослабленной парной рифмой; 2) стихи с перекрестной ослабленной рифмовкой ЖМЖМ. Выдвигается гипотеза, что стихи первого типа восходят к силлабической культуре XVII – XVIII веков, широко распространяются в старообрядческой среде, однако со временем начинают восприниматься как силлабо-тонические и в XX веке публикуются издателями преимущественно в виде текстов, сложенных трехстопным хореем. Стихи второго типа связаны с более поздней литературной традицией силлабо-тонического стиха и в меньшей степени осваиваются фольклорной культурой. Выявлены метрические типы, которые могут иметь несколько интерпретаций, поэтому предложен термин «метрическая неоднозначность»: он охватывает все потенциальное множество толкований метрики.

Ключевые слова: гетерометрия, гетероморфный стих, духовный стих, метрическая амбивалентность, полиметрия, силлабический стих, силлабо-тонический стих, фольклорный стих

1. Постановка проблемы. Краткая историография. Материал исследования

Среди множества стихотворных текстов существует некоторый массив объектов, анализ которых сопряжен со значительными трудностями. Прямолинейное использование традиционных методов и систем описания в отношении таких объектов не всегда возможно, поскольку эти тексты находятся «на границе» систем стихосложения, часть из них представляет собой сложные переходные формы с не вполне отчетливой метрикой. В эту группу включены довольно разные явления, их условно объединяет разная степень несоответствия по ряду параметров ожидаемому метроритмическому эталону, силлабо-тоническому образцу. Думается, что для истории и теории русского стихосложения

именно эта группа текстов может представлять первостепенный интерес — по причине сложности, нетривиальности образующих ее компонентов. Речь идет и о полиметрии (гетерометрии¹), и о переходных метрических формах, и о гетероморфном стихе (термин Ю. Б. Орлицкого)², и о «зыбком метре», метрических аномалиях, дефектах, сбоях, метрической амбивалентности, диффузности версификационных систем и т. п.

Это известная, актуальная проблема, которая активно обсуждается стиховедами. «Пограничные» явления в метрике анализируются в работах современных исследователей (Орлицкий 2005; Плунгян 2005; 2022; Семенов 2010; 2011; Корчагин 2014; Lotman 2022; Scherr 2023; Петров 2025; Pilshchikov 2025 и др.), хотя сам по себе вопрос о подобных «зыбких» структурах интересовал специалистов по теории стиха и раньше (Квятковский 1966, с. 98; Гаспаров 1984, с. 215–217; Гаспаров 2001, с. 134–139; Бельская 1984, с. 100; Руднев, Новинская 1986; Холщевников 1987, с. 36 и др.).

Перечисленные работы построены преимущественно на материале литературного стиха. Однако существует не менее значимый источник, а именно *фольклорный стих*, в том числе фольклорный стих литературного происхождения (околофольклорные формы словесного творчества).

Мы постараемся продемонстрировать несколько интересных образцов народного стиха, которые не укладываются в привычные стиховедческие категории. Ранее в качестве первого подступа к проблеме мы представили описание некоторых типов «дефектных» строк в народном стихе на материале четырехстопного хорея и четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой (Петров 2025). Нам были известны метр и размер каждого стихотворения; метрические аномалии подверглись специальному учету; была предпринята попытка их классифицировать. В настоящей работе задача усложнена: в корпус анализируемых текстов включены примеры произведений, содержащих строки с неоднозначной метрикой. Более того, в ряде случаев затруднительно определение не только метра, но и самой системы стихосложения, к которой относится тот или иной поэтический текст.

Материалом послужили духовные стихи из сборников (Селиванов 1991; Бучилина 1999; Поздеева 2007; Кузнецова 2015). Традиционно такие тексты рассматриваются как фольклорные и обычно публикуются в фольклорных сборниках. Однако корректнее, наверное, было бы

¹ Термин «гетерометрия» используется в разметке поэтических текстов Национального корпуса русского языка. Под гетерометрией понимается комбинация различных строк, написанных правильными силлабо-тоническими размерами (Плунгян 2005, с. 860); допускаются небольшие вкрапления дольника (Плунгян 2022, с. 24).

² Гетероморфный стих подразумевает большую степень свободы, чем гетерометрический: наряду с силлабо-тоническими строками, допустимы строки с расштанной метрикой, вплоть до свободного стиха.

называть их литературными стихами, бытующими в народной традиции, где они подвергаются разнообразным смысловым и формальным изменениям и во многом сближаются с фольклором.

Отдельная проблема — авторство таких произведений: если за точку отсчета «жизни» поэтического текста в культуре принять момент его создания, то на стадии фиксации собирателями-фольклористами стихотворение, как правило, уже бытует в анонимном виде, сведения об авторе утрачены. В настоящей (стихovedческой) статье проблема атрибуции авторства не ставится и не решается, что ни в коей мере не отменяет ее первостепенной значимости для литературоведения и фольклористики.

Изучению подвергнутся стихотворения, которые имеют хореическую структуру или сходство с хореической структурой и трехиктный размер. Например: «По горам, по ямам, // Прямо конь стрекает, // Всадника сбивает, // Ум мой повреждает. // Вне ума бываю, // Что творю, не знаю. // Вижу я погибель, // Страхом вся объята, // И сама не знаю, // Чем коня смирить» (Селиванов 1991, с. 276); «Воины Пилата // Мучили Христа, // Били по ланитам, // Били в грудь, уста» (Бучилина 1999, с. 119).

Оговоримся, что вопрос о количестве стоп проблематичен: издатели публикуют тексты то в виде трехстопного (или шестистопного) метра, то в виде шестистопного цезурированного (или двенадцатистопного). Уже на этом этапе мы сталкиваемся с некоторой неопределенностью, поскольку один и тот же текст в разных вариантах (а иногда и в одном варианте) получает непоследовательную интерпретацию в зависимости от разделения на строки, от способа его визуального представления в книге (часто произвольного). Произведения иной метрической природы и стопности нами не рассматривались (общее, приблизительное представление о метрике поздних духовных стихов можно получить из таблицы (Петров 2022, с. 58)).

Следует упомянуть и проблему качества записи и публикации текстов. При явных отклонениях от метрического эталона в редчайших случаях позволительны конъектуры, однако мы стараемся к ним не прибегать, поскольку существует риск ошибочного восприятия метрики.

Всего рассмотрено 20 текстов разного качества и разной степени близости к фольклорной традиции. Кратко охарактеризуем материал.

Тексты в источниках представлены неравномерно, больше всего хореических духовных стихов содержит сборник (Бучилина 1999), хотя, как мы увидим далее, количество текстов для включения в выборку по разным причинам не всегда легко определить. Мы постарались учесть материал во всей полноте, рассмотрев и те произведения, для которых не зафиксированы варианты (то есть не подвергшиеся фольклоризации; это оговаривается специально), и полуразрушенные, деформированные тексты, в которых хореическая основа угадывается лишь гипотетически. Укажем количество строк по сборникам и в целом: (Селиванов 1991) — 92, (Бучилина 1999) — 537, (Поздеева 2007) — 64, (Кузнецова 2015) — 321. Всего: 1014 строк.

Тематика стихотворений характерна для жанра: это покаяние, сокрушение лирического «я» о собственной греховности; поиск и обретение духовного идеала в его христианском смысле; размышления о смертном бытии; молитвенные обращения к небесным силам; имеются лирические пересказы библейских и евангельских сюжетов (об Адаме и Еве, о Рождестве Христовом, о молитве Христа в Гефсиманском саду, о суде у Понтия Пилата и распятии и т.д.).

Полный список исследованных произведений представлен в Приложении.

2. Обсуждение и результаты

Рассмотрим один духовный стих, который был записан под разными названиями в разных регионах России: в Нижегородской области, в Пермском крае, в Карелии и т.д. Он бытовал преимущественно среди старообрядцев. Это стих под условным названием «О юности» (или «О молодой юности»). Обычно он начинается со слов «Горе мне, увы мне, во молодой юности...» или каким-либо похожим образом. Тема произведения — борьба с греховными помыслами, соблазнами и страстями, которые свойственны молодости: голос юности, символом которой стал лихой, необузданный конь, вызывает к полнокровной жизни, к радостям земного, плотского бытия, к наслаждению дарами сиюминутных удовольствий. Однако это противоречит аскетическому характеру православной картины мира, строгости религиозного представления о человеческой душе и ее судьбе в вечности. Лирический субъект молит о смирении страстей, о преодолении духовной лености, испытывает страх перед грядущим наказанием за несправедную жизнь. Этот внутренний нравственный конфликт хорошо знаком каждому человеку, поэтому тема стихотворения находила отклик у носителей фольклора — сюжет «О юности» был очень широко распространен среди знатоков духовного пения и книжно-рукописной культуры. Например, в каталоге (Петрова 2024) содержатся сведения о не менее 46 вариантах (списках), выявленных в собраниях, сборниках, хранящихся в Рукописном отделе БАН (Там же, с. 754, 761). Духовный стих обнаруживается в археографических экспедициях до сих пор (Балдина и др. 2024, с. 525). Некоторые варианты опубликованы в других изданиях, они могут быть использованы для сопоставлений (Срезневский 1908, с. 241–242). Стих «О юности» упоминается и в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (ч. 2, гл. 9) о жизни старообрядцев Заволжья.

Прочитируем начало произведения по двум произвольно взятым вариантам (интервальные схемы наши): «Горе мне, увы, мне, (0.11.1) // Во молодой во юности (2.1.2) // Сам же я не знаю, (0.11.1) // Как на свете жити, (0.11.1) // Хочется пожити, (0.3.1) // Не знаю, как быти. (1.2.1) // Мысли побивают, (0.3.1) // К греху привлекают (1.2.1)» (Кузнецова 2015, с. 211); «Горе мне, увы мне (0.11.1) // В юности, во цвете! (0.3.1) //

Сам не понимаю, (0.3.1) // Как мне жить на свете. (0.11.1) // Плоть моя желает (0.11.1) // Больше согрешити, (0.3.1) // А душа жаждает³ (2.1.1) // Царство получить (0.3.1)» (Селиванов 1991, с. 274–275).

В обоих случаях текст напечатан издателями с разделением на короткие строки (шестисложные с единственным исключением: строка «Во младой во юности» содержит дактилическую клаузулу, дающую дополнительный седьмой слог). Как хорошо видно из приведенных схем, метр и размер стиха можно, немного упрощая, квалифицировать как трехстопный хорей со сплошной женской клаузулой, однако некоторые строки в схему хорей не укладываются, но соответствуют схеме амфибрахия. Это строки «Не знаю, как быти» (○—○○—○) и «К греху привлекают» (○—○○—○). На такие случаи в трехстопном хорее стиховеды уже обращали внимание (Бейли 2004, с. 133).

В других вариантах этого же стиха возможны другие комбинации, например анапестические (существенно реже, как исключение): «Сежу я на тебе, юность, // Как на бодром коне (○○—○○—), // И той не обуздан. // По горам, по холмам (○○—○○—) // Прямо конь стрекает, // Мене разбивает, // Ум мой погубляет» (Кузнецова 2015, с. 212).

Однако возможна иная интерпретация. В фольклорном стихе распространено такое явление, как ритмический перебой (переакцентуация) (Корчагин 2015; Петров 2022, с. 61–62). В приведенных примерах вероятен иллюзорный амфибрахий (анапест), за которым скрывается обыкновенный хорей, осложненный перебоем. В сущности, мы имеем дело с метрической амбивалентностью. Подобные случаи хорошо описаны стиховедами (Корчагин 2014, с. 92–93). При декламации таких строк мы обычно следуем за метроритмической инерцией и мысленно «втискиваем» стих в инвариантную метрическую модель (в данном случае — в модель трехстопного хорей), однако меняем интонацию: повышаем голос на ударном слоге («не знаю», «к греху» и т.п.). Это явление ранее было упомянуто М.Л. Гаспаровым при рассмотрении южнославянской силлабики и силлабо-тоники (1989, с. 224).

Поскольку в фольклоре перебой встречается регулярно, они проникли и в литературные имитации народного стиха — в частности, в трехстопный хорей А.В. Кольцова (Тарановский 2010, с. 293).

Некоторые строки могут быть интерпретированы тремя способами: ХЗ/Амф2/Акц, например: «Возьму в руках вожди» (1.10.1) (Кузнецова 2015, с. 213). Какова метрическая природа этой строки? Трехстопный хорей с двумя переборами на соседних иктах? Двустопный амфибрахий со сверхсхемным ударением на второй стопе? Акцентный стих с нулевым интервалом? Можно констатировать возрастание метрической неоднозначности. В данном случае вполне адекватна хореическая интерпретация, поскольку имеется внятный метроритмический контекст,

³ Ударение поставлено нами под влиянием метроритмической инерции. Возможно, правильнее все-таки поставить ударение на первом слоге «жаждает». Мы будем исходить из неопределенности в акцентуации этой словоформы.

стих относительно однороден. В случаях же ярко выраженной гетероморфности стиха на однозначной квалификации метрики настаивать трудно.

Возможен и третий вариант: трансакцентуация, то есть искусственный перенос ударения на нужный слог для поддержания метрической схемы («не знаю», «к греху» и т.п.). В фольклоре нет прямого запрета на подобные сдвиги, но, конечно, в разумных пределах. В этом случае перед нами чистый хорей: «Как на бодром коне», «По горам, по холмам» и т.д. (ср. классическую пушкинскую строку «На холмах Грузии...»); трансакцентуация в духовном стихе может быть поддержана и необходимостью соблюдения женской клаузулы).

Наконец, существует и четвертая интерпретация метрики этого текста — силлабическая. Такую интерпретацию предлагал М.Л. Гаспаров для стихотворения О. Мандельштама «Когда подымаю, // Опускаю взор...» (Гаспаров 2001, с. 135). В этом литературном произведении также имеется неурегулированное чередование метрически двойственных строк: ХЗ/Амф2. Неупорядоченность ударений наводит на мысль о том, что в действительности перед нами силлабическая система стихосложения. Однозначное толкование невозможно, и многое зависит от стихотворной культуры, в которой воспитан читатель: тот, кто вырос на силлабо-тонике, слышит хореический ритм; тот, кто привык к силлабике, лучше чувствует равнотактность строк (Там же).

В связи с тем, что интерпретаций оказывается больше, чем две, мы предлагаем во всех подобных случаях говорить не о *метрической амбивалентности* (или *биметрии*), а о *метрической многозначности* (*неоднозначности*) — этот термин учитывает любое потенциальное множество истолкований метрики.

Какую-то помощь при интерпретации метра может оказать историко-культурный контекст («авторская воля» и «стиль эпохи»), о чем писал, в частности, А.А. Илюшин (2004, с. 67). Попробуем учесть этот фактор при анализе духовного стиха «О юности».

Данный стих был популярен среди старообрядцев, которые долгое время сохраняли традиции именно книжного силлабического стихотворства. Нам неизвестен автор этого произведения. Но можно предположить, что это был один из поэтов силлабической школы. Вероятно, силлабо-тоническое прочтение — это сравнительно позднее восприятие стиха, в котором часть ударений оказалась распределена по типу хорея. Такие случаи известны: например, силлабо-тонические черты приобрел исконно силлабический «Стих умиротелен» (Петров 2021б; Скулачева, Петров 2023, с. 253). Это не более чем предположение, но имеются и косвенные свидетельства структурного характера. Так, например, в (Срезневский 1908, с. 241 — 242) текст воспроизведен как цезурированный силлабический двенадцатисложник с неустойчивыми внутренними рифмами («Хочется пожити, / не знаю как быти») и редкими цезурными наращениями («Во молодой во юности / борят мнози

страсти»). С другой стороны, и сам этот двенадцатисложник мог стать результатом объединения шестисложных строк, поскольку русской поэтической традиции известны силлабические шестисложники. Пример такого стихотворения из раннего творчества М. В. Ломоносова приводит М. Л. Гаспаров: «Услыхали мухи Медовые духи»⁴ (1984, с. 30). Приведем текст полностью («[Стихи на туясок]»): «Услышали мухи // Медовые духи, // Прилетевши, сели, // В радости запели. // Егда стали ясти, // Попали в напасти, // Увязли бо ноги. // Ах! — плачут убоги, — // Меду полизали, // А сами пропали» (Ломоносов 1959, с. 7).

Если применить к этому стихотворению силлабо-тоническую оптику, то мы получим тот же результат, что и при разборе стиха «О юности»: неурегулированное чередование «трехстопных хореев» и «двухстопных амфибрахий» (полиметрический стих) с женской клаузулой в каждой строке (у Ломоносова последовательнее выдержана рифма). Однако это совпадение с силлабо-тоникой в данном случае носит случайный характер, поскольку стихотворение сочинено еще в рамках силлабики (1734 г.).

Мы предполагаем, следовательно, что стих «О юности» по происхождению является силлабическим шестисложником (он мог переписываться и в виде двенадцатисложника со сдвоенными строками; внутренние рифмы образовались в таком случае из обыкновенных конечных рифм), который позднее стал восприниматься как силлабо-тонический стих и скандировался уже по хореическому типу, благо распределение ударений этому вполне способствовало (отсюда становится более ясной оговорка о *сходстве* некоторых текстов с хореической силлабо-тоникой, сделанная выше, при представлении материала работы).

Имеется поздняя аудиозапись отрывка стиха (Кузнецова 2015, с. 548–549), сделанная в с. Усть-Цильма (Республика Коми) в 1963 году. Исполнители очень четко расставляют хореические акценты, см. нотное приложение (Там же, с. 776–777). В настоящее время запись доступна на сайте Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: <https://illh.ru/balashev/#audio> (звуковая дорожка № 21 в разделе «Духовные стихи»).

Здесь уместно вспомнить дискуссию о метрике духовного стиха о Варлааме и Иоасафе («Из пустыни старец // В царский дом приходит...»), который исследователи в свое время считали то силлабикой (А. П. Кадлубовский), то силлабо-тоникой (А. И. Кирпичников) (Петров 2021а, с. 104–107). Этот вопрос до сих пор не решен. Имеется, в частности, лишь размытая, осторожная формулировка, что стих о Варлааме и Иоасафе «представляет собой нечто среднее между силлабикой и силлабо-тоникой» (Там же, с. 107), которая, безусловно, еще потребует уточнений. В этом произведении также преобладают строки, совпадающие по слогаакцентной структуре с трехстопным хореем (иногда — с

⁴ Неточная цитата. У Ломоносова: «Услышали мухи // Медовые духи».

трехстопным хореем с начальными переборами), но при желании можно трактовать его и как полиметрический стих, и как стих силлабический. В выборку для настоящей работы мы его не включили, но этот образец метрически неоднозначного текста все же следует иметь в виду для сравнительных операций. Например, два варианта (текст из рукописного сборника XVIII века и текст, записанный с голоса в 1997 году) опубликованы в (Бучилина 1999, с. 222 – 224).

О том, что трудности в интерпретации не случайны и имеют под собой какие-то фундаментальные основания, говорят примеры из творчества И. А. Бродского, приведенные Ю. Б. Орлицким в полемической статье (2020). Исследователи, по мнению Ю. Б. Орлицкого, часто заблуждаются, принимая за силлабический стих обыкновенный силлабо-тонический шестистопный дактиль (Там же, с. 34). Но это, в свою очередь, значит, что граница между силлабикой и силлабо-тоникой подчас не столь прозрачна, как мы привыкли думать.

Проблема разграничения систем стихосложения возникает и в некоторых других случаях – например, при переводе сербского силлабического десятисложника (народного или литературного) на русский язык. Для русскоязычного слушателя декламация такого стиха в оригинале звучит как метроритмическая какофония, что обусловлено фонологическими особенностями сербского языка – разными сочетаниями четырех видов музыкального удара и заударными долготами. Дело осложняется и отсутствием рифмовки, ср. оригинал: «У врѐменѡм и бурном жилишту // чѡвѣку је сређа непозната, // права сређа за кѡм вјечно трчи – // он јѡј не зна мјѣрѣ ни грѣницѣ» и перевод: «Во жилище временном и бурном // человеку неведомо счастье – // истинное, цель исканий вечных, // неведомы грань его и мера» (пер. Ильи Числова) (Ньегош 2017, с. 72).

Поэтому поискам адекватных способов художественного перевода сербского десетерца всегда уделялось много внимания – и в литературной, и в академической среде. Как отметил переводчик поэмы П. Негоша «Горный венец» А. А. Шумилов, «между силлабикой и силлаботоникой “нет непреодолимой границы”» (Шумилова 2024, с. 27). А. А. Шумилов «называл сербохорватскую систему версификации промежуточной между силлабикой и силлаботоникой, поскольку эту систему можно определить и как силлабическую (с четким упорядочением цезур), и как силлаботоническую (имеющую тенденцию к упорядочению ударений – преимущественно хореическому метру – но с большей свободой, непривычной для русского слуха)» (Там же). Именно поэтому, помимо фонологических причин, столь сложен для восприятия русскоязычным слушателем сербский десетерац. Попытка создать «подобную систему» в русском переводе закономерно приводит к тому, что «получившийся стих по-прежнему остается экзотичным для русского слуха» (Там же). Преимущество же такого перевода заключается в том, что читателю дается возможность «услышать уникальную

авторскую интонацию» (Шумилова 2024, с. 27). В личной переписке с М.Л. Гаспаровым переводчик высказал очень важную мысль: «Десетерец (так в тексте. — А.П.) и хорей и не хорей одновременно. Он хорей, когда песня поется, когда она читается — не хорей, а эпические песни не только пелись, но и читались» (Там же, с. 13). Подобная неопределенность, как мы видели, может быть характерна и для некоторых русских поэтических текстов, в том числе фольклорных и околофольклорных. Проблема переходных явлений в метрике, таким образом, не ограничивается рамками истории и теории русского стиха и в дальнейшем должна рассматриваться в более широком контексте.

Теперь приведем некоторые количественные данные о метрике «Стиха о юности». Всего строк во всех шести вариантах — 436 (100 %). Из них ХЗ — 273 (62,6 %) («Бога забываешь» (0.3.1) (Селиванов 1991, с. 275)), ХЗ/Амф2 (метрическая амбивалентность) — 84 (19,3 %) («Для душ повреждение» (1.2.2) (Селиванов 1991, с. 275)), ХЗ/Амф2/Акц (метрическая неоднозначность) — 12 (2,8 %) («Со мной слезно плакать» (1.01.1) (Кузнецова 2015, с. 132)), прочие — 67 (15,4 %). Под «прочими» понимаются «дефектные» строки и единичные, спорадические метрические типы, которые не влияют на квалификацию метра, но загромождают общую аналитическую картину. Это могут быть и ямбы, и хорей большей стопности, и дактили, и анапесты, и дольники, и тактовики — каждый представлен несколькими примерами, теряющимися в массиве трехстопной хореической основы. Их можно классифицировать в отдельной работе. Безусловно, они принимают довольно активное участие в «расшатывании» метрического инварианта и интересны для дальнейших наблюдений.

Тематически и метрически к «Стиху о юности» примыкает духовный стих «Гробик ты мой, гробе». Прочитаем начало стиха: «Гробик ты мой, гробе, (0.11.1) // Привечный мой доме, (1.2.1) // Ты ли моя ложа, (0.3.1) // Ко смерти приложу. (1.2.1) // Белы руки сложат, (0.11.1) // Ко сердцу приложат, (0.3.1) // Холст оденут, (0.1.1) // И во гроб положат. (2.1.1) // В землю опустят, (0.2.1) // Персем посыплют, (0.2.1) // Буду я лежати, (0.11.1) // Суда ожидати, (1.2.1) // Век помышляти, (0.2.1) // Грехи обличати» (1.2.1) (Кузнецова 2015, с. 106–107).

Метрическая неоднозначность заметна уже по этим первым строкам. Наряду с обычной полиметрией (чередование хореических и дактилических строк) здесь встречаются и амбивалентные строки ХЗ/Амф2: «Привечный мой доме», «Ко смерти приложу», «Суда ожидати», «Грехи обличати». Далее отмечены также метрически многозначные строки ХЗ/Амф2/Акц (амфибрахий со сверхсхемным ударением): «Моя душа грешная, (1.10.2) // Пойдешь в муку вечну» (1.01.1) (Там же, с. 107).

Всего в этом тексте 39 строк, основная конкуренция ведется между ХЗ (13 строк, или 33,3 %) и ХЗ/Амф2 (14 строк, или 35,9 %); строк ХЗ/Амф2/Акц всего 3 (7,7 %), прочих — 9 (23,1 %). Возможно, в основе этого стиха также лежит трехстопный хорей, но в данном случае ритмическая инерция, ритмическое ожидание сформироваться не успевает

(один из показателей этого — обилие «прочих» строк). Поэтому целесообразнее квалифицировать этот текст как гетерометрический (полиметрический) стих с включением метрически многозначных строк, не поддающихся точной квалификации.

В традиции околофольклорных духовных стихов существует и другая линия исторического развития. Это структура с иной строфической, с регулярным чередованием женских и мужских клаузул — ХЗЖМЖМ (строгая перекрестная рифма выдерживается далеко не всегда; приоритет отдается четным строкам в четверостишиях⁵): «На всех солнце светит, // На меня уж нет. // Я лежу во гробе // И не вижу свет. // Крышкой уж не давит, // Не теснит доска, // Сердце уж не бьется, // Отошла тоска» (Бучилина 1999, с. 375). Имеются единичные примеры строк с дактилической клаузулой: «И почти молчанием // Страдание Христа⁶» (Там же, с. 122).

Это уже чистая силлабо-тоника, связи с силлабикой XVII—XVIII веков нет, авторы ориентируются на иную поэтическую культуру.

Трехстопный хорей нельзя назвать самым распространенным метром и размером в русской поэзии, «это редкий стих» (Тарановский 2010, с. 291), однако «хронологически это один из самых первых русских силлабо-тонических размеров» (Гаспаров 2012, с. 62), он восходит к 1735 году: пример такого стиха привел в «Новом и кратком способе...» В.К. Тредиаковский; это, как правило, стих песен (Там же). Размер встречается в творчестве Державина, Дельвига, Пушкина и др. (Там же, с. 62—63); постепенно обрастает смысловыми обертонами: линия *сатирическая, предромантическая и романтическая* (Там же, с. 63). Далее формируется полноценный семантический ореол размера: темы *пути и смерти* у Лермонтова («Горные вершины // Спят во тьме ночной...»), *природы и разлуки* у Фета, тема *быта* у Огарева, с позднейшими смысловыми ответвлениями (*сатира и гражданственность, импрессионистическая интонация, смерть, любовь и бунт* и т.д.) (Там же, с. 64—92).

Следовательно, для проникновения ХЗЖМЖМ в народную культуру имелись предпосылки, существовала литературная традиция, тоже, в свою очередь, имевшая переключки с фольклором. Духовные стихи этого метрического типа — поздние, они, как правило, записаны собирателями в XX веке, хотя в целом околофольклорная силлабо-тоника получила распространение раньше, во второй половине XIX века (Петров 2021а, с. 88).

Однако и в данном случае, несмотря на прочную литературную основу, фиксируется фольклоризация метра. Например, стих «Страдания Спасителя» (Бучилина 1999, с. 118—120) имеет ряд соответствующих признаков. Так, первый ритмический перебой расположен уже в

⁵ О четверостишиях можно рассуждать лишь условно, поскольку текст исполняется устно; форма письменной фиксации может варьироваться, многое зависит от особенностей редакторской подготовки стихов к публикациям.

⁶ Строка совпадает с ЯЗ, это обычный в фольклорном стихе метрический сбой.

четвертой строке, причем в очень необычном месте — на последней стопе, со сдвигом метрического ударения влево, на вторую стопу, с пропуском ударения на тонической константе: «Вспомним день великий, // Как Христос за нас // Пострадал в преторе, // О какой ужас!» (Там же, с. 118). Конечно, здесь возможна (и даже вероятна) трансакцентуация (*ужас*) с выравниванием ритмики, но ударения издателем не расставлены, приходится только гадать.

Имеются и строки ямба («дефектные»): варьирование анакрузы — один из замеченных ранее процессов в поздних духовных силлаботонических стихах (Петров 2025, с. 139). Например: «А Христос молился // За своих врагов, // Злостно наушавших // Они плевали вновь» (— — —) (Бучилина 1999, с. 119).

Отмечена дольниковая вариация: «Господу всякий воин (0.21.1) // Наносил удар» (Там же).

Все это — пусть и «дефектные», но однозначно интерпретируемые строки. Однако имеются и строки *X3/Амф2*, например: «Воины схватили // Господа в претор, // К столбу привязали (1.2.1), // Как бы на позор» (Там же). Таких метрически амбивалентных строк существенно меньше, чем в «Стихе о юности»: сказывается теснейшая связь с силлаботоникой.

Большему разрушению подвергся стих «На всех солнце светит...» (Там же, с. 375—376). Это уже фактически двусложник с переменной анакрузой: из 48 строк *X3* = 33 (68,75 %), *Я3* = 11 (22,9 %), с незначительным числом строк *X3/Амф2* (4, или 8,3 %: «Прощайте, родные, (1.2.1) // Все мои друзья, // Мне уж путь готова // Мать-сыра земля» (Там же, с. 375)).

Метрическая амбивалентность проявляется и в другом: иногда в одном и том же варианте стих предстает то как *трехстопный* хорей, то как *шестистопный цезурированный*. Например: «Робкое журчанье, // Тихий шелест трав, // И темнота ночная // Наводила страх. // Вот с учениками / в тишине ночной // Пробирался к саду / Иисус с семьей. // Робко пробирался / среди гор Кедрон, // Тут же возвышалась / гора Илюн» (Там же, с. 96).

Уловить какую-то закономерность не удастся: издатели (видимо, по рукописям) печатают стихи двояким способом. По всей видимости, и для переписчиков, и для издателей оба способа представления стиха эквивалентны. Полуступишия в шестистопном стихе автономны, отсутствуют стиховые переносы в области цезуры, то есть шестистопный хорей в данном случае — это простая сумма двух трехстопных.

Однако сладить с длинной строкой наивному автору (или переписчику) иногда бывает трудно. Один из ярких образцов переходных явлений в метрике на этом материале — духовный стих «Изгнание из рая» (Там же, с. 37), напечатанный в виде шестистопного «хорея». Слово «хорей» не случайно взято в кавычки: метрический прототип с трудом угадывается за разрушенным стихом. Приведем начало (пометки кур-

сивом наши): «Где ты, рай, прекрасный, / сладкий мой едям⁷?! (X3+X3) // Ах, как был я счастлив, / обитал я в нём, (X3+X3) // Саюзин⁸ жил за богом я, бессмертен был, (дефектная строка) // Как родного сына, / он меня любил. (X3+X3) // И имели мы с Евой довольство во всем, (Ан4) // Плод всех деревьев раиских был продолень, (дефектная строка) // Лишь древа назнания / плод был запрещен» (X3/Амф2+X3) (Там же).

При изучении чистых силлабо-тонических форм такие тексты, конечно, не подлежат включению в выборку, однако для исследования проблемы метрической неоднозначности они, напротив, представляют интерес. Здесь также отмечены амбивалентные строки (точнее — полустипшия) X3/Амф2: «С едениям з древа (1.2.1) / пали в тяжкий грех», «А стражам велел нас (1.2.1)⁹ / из рая изгнать, (1.2.0) // На трудную землю (1.2.1) / он нас поделил, // Рыдаим, зываим (1.2.1) / раиским дривесам» (Там же).

Однако не всегда текст настолько разрушен. В единичных случаях метрика духовного стиха передана безупречно: «Помоги мне, Боже, щедрою рукой. // Ниспосли терпенье, радость и покой, // Грешник я великий на земном пути. // Господи помилуй, Господи, прости» (Поздеева 2007, с. 303); «Я умом ходила в город Вифлеем // И была в Вертепе и видала в нем, // Как Господь-Спаситель, Сам Творец и Бог, // Родился от девы и лежал убог» (Бучилина 1999, с. 82).

После необходимых комментариев, касающихся конкретных текстов, приведем общие количественные данные по метрическим типам строк в X3ЖмЖм. Полустипшия в шестистопных цезурированных строках условно примем за «строки» вида X3 (X3+X3)¹⁰. Всего «строк» — 463. «Строк» (включая полустипшия) X3 — 389 (84 %), X3/Амф2 — 30 (6,5 %), прочих («ямбы», «анapestы», «дольники», «хореи» с дактилической клаузулой, а также дефектные разрушенные) — 44 (9,5 %). Следовательно, степень метрической точности в силлабо-тоническом стихе X3ЖмЖм существенно выше, чем в «Стихе о юности», пограничном между силлабикой и силлабо-тоникой, в котором доля метрически неоднозначных строк достигала 22,1 % (X3/Амф2+X3/Амф2/Аки). Силлабо-тоническая версификация задает более жесткие метрические стандарты. Наконец, можно ответить и на такой вопрос: какие строки — женские или мужские — чаще имеют неоднозначную метрику? Из 30 строк

⁷ Эдем — райский сад (примеч. изд.).

⁸ В союзе (примеч. изд.).

⁹ Редкий пример стихового переноса.

¹⁰ Напомним, что в одном и том же варианте того или иного стихотворения шестистопные строки могут чередоваться с трехстопными без какой-либо закономерности. Если предположить, что в стихотворении 10 строк, из которых 4 — шестистопные, а 6 — трехстопные, то при наших подсчетах количество условных «строк» в данном случае равно 14 (за эталонную меру принят трехстопный хорей). «Строка» в данном случае чуть более широкое понятие, чем обычно, она включает и обычные строки, и полустипшия. Это условность, принятая нами для удобства систематизации материала.

ХЗ/Амф2 женских — 19 (63,3 %), мужских — 11 (36,7 %). В строках с женской клаузулой тенденция к метрической неоднозначности выражена сильнее.

3. Выводы

Мы обратились к проблеме пограничных явлений в метрике на материале фольклорного стиха — точнее, литературного стиха в его фольклорном бытовании. Эта сложная проблема привлекает внимание современных стиховедов, вызывает оживленные дискуссии и споры на конференциях, семинарах и в периодической печати. К «пограничным» явлениям мы отнесли случаи метрической неоднозначности строк (метрической амбивалентности), неопределенности версификационных систем; подчас нелегко провести границу между гетероморфным стихом, полиметрией и стихом, метрика которого единообразна, но осложнена, замаскирована переакцентуациями (ритмическими переборами).

В корпус текстов для исследования были включены поздние духовные стихи, имеющие хореическое строение (трехстопные и шестистопные). Ранее эти тексты стиховедческому изучению не подвергались. Материал сводится к двумя разновидностям хорей: хорей со сплошными женскими клаузулами и хорей с перекрестным строением ЖмЖм. Этот метр и размер редки в русской литературной поэтической традиции; то же самое мы можем констатировать и для традиции народной. Нам удалось подобрать всего 20 текстов, из которых несколько — явно литературные произведения без единого варианта, а другие — вариации одного и того же сюжета. Однако и на этом ограниченном материале отыскиваются интересные образцы неоднозначных метрических структур: ХЗ/Амф2, ХЗ/Амф2/Акц, *силлабо-тоника / силлабика, трехстопный стих / шестистопный стих* и т. д.

Мы попытались учесть исторический фактор и предположили, что трехстопный хорей с женскими клаузулами восходит к силлабическому шестисложнику. Трехстопный же хорей ЖмЖм — прямой наследник литературной силлабо-тонической традиции. Между этими двумя типами трехстопных хореев имеется важное различие: первый содержит существенно больше метрически неоднозначных строк, чем второй, его метр более распатан. Вероятно, это след прежней силлабики.

На наш взгляд, в связи с тем, что строки в некоторых редких случаях могут интерпретироваться несколькими способами, целесообразно пользоваться термином *метрическая неоднозначность*, поскольку *метрическая амбивалентность* (или *биметрия*) предполагает выбор только из двух вероятностей. Но их может быть больше двух, например, ХЗ/Амф2/Акц. Справедливости ради, это, конечно, раритеты, о метрике которых можно спорить. Но такие случаи всё же следует учесть в терминологии, что даст некоторую свободу маневра при фиксации строк, интерпретируемых несколькими разными способами.

Поскольку метрическая неоднозначность может возрастать или убывать (выбор из одной, двух, трех и т.д. вероятностей), то существует, очевидно, и своего рода иерархия, градация, соответствующая разной мере энтропии стиха. Однако важно отметить, что при всех существующих отклонениях, аномалиях и неопределенностях стихотворные тексты имеют твердую метрическую основу, которую все же можно выявить; метрический инвариант в большинстве случаев хорошо просматривается за массивом фольклорных дефектов.

Мы коснулись только нескольких частных пограничных явлений. В перспективе рассмотренные тексты можно подвергнуть более подробному стиховедческому анализу: описать ритмические формы, представить типологию цезур, ритмику полустуший и т.п., тем более что образцы такого анализа для трехстопного хорей уже имеются (Бейли 2004, с. 130–136). Но решение этих задач требует существенно большего объема материала, чем тот, которым мы пока что располагаем.

Благодарности. Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания по плановой теме № 124022000077-1 «Фольклор и литература коренных народов Северо-Запада России и Финляндии».

Приложение

Список исследованных текстов

1. Сборник (Селиванов 1991): №112: «Стих о юности» («Горе мне, увы мне // В юности, во цвете!»). Всего — 1 текст.

2. Сборник (Бучилина 1999): №1: «Изгнание из рая» («Где ты, рай, прекрасный, сладкий мой едем?!») (деформированный текст с метрическими сбоями и «темными» местами), 9: «Я умом ходила в город Вифлеем...», 17: «Тихо, не шелохнет...» («Тихо, не шелохнет, // Птичка не поет...»), 24: «Страдания Спасителя» («Вспомним день великий, // Как Христос за нас // Пострадал в преторе, // О какой ужас!»), 24а: «Суд над Христом у Пилата», 24б: «Страшное бичевание Христа нашего Господа», 24в: «Венчание и уничижение Иисуса Христа», 24г: «Отвержение Христа»¹¹, 25: «В пятницу молчание» («В пятницу святую // Все должны молчать...»), 131: «Стих» («Юность, моя юность, // Младое ты время...»), 179: «Стих надгробный» («Господи, помилуй, господи, спаси...»), 180: «На всех солнце светит...» («На всех солнце светит, // На меня уж нет...»). Всего — 7 основных текстов для исследования, 1 деформированный и 4 литературных, без явных признаков фольклоризации.

3. Сборник (Поздеева 2007): №27: «Завистью гонимой, я бегу стыда...», 76: «Сам-то я не знаю, как на свете жити...», 97: «Господи, помилуй, Господи, прости...» («На гору Голгофу...»). Всего — 3 текста.

4. Сборник (Кузнецова 2015): №59: «Гробик ты мой, гробе» (Гробик ты мой, гробе, // Привечный мой доме...) (гетерометрический стих с большим количе-

¹¹ Духовные стихи №24а–24г использованы в качестве дополнительного материала для сопоставлений и не учитываются при подсчетах. Это явно литературные по происхождению тексты из личного архива составителя сборника (Бучилина 1999). Сведений об их архивации нет.

ством метрически неоднозначных строк), 74: «О молодой юности» («Горе мне, увы мне // Во молодой юности!»), 122: «Стих про младя лета» («Горе мне увы мне // Во молодой во юности...»), 333: «Стих о юности» («Горе мне, увы мне // Во молодой во юности...») (отрывок). Всего: 2 основных текста для исследования, 1 гетерометрический текст для сопоставлений, 1 отрывок.

Итого: 20 текстов.

Список литературы

Балдина, Т.П., Кужлев, М.В., Сурин, А.П., 2023. Археографическая экспедиция на Вятку 2023 г. *Труды Отдела древнерусской литературы*, 71, с. 516–527. [Baldina, T.P., Kuzhlev, M.V., Surin, A.P., 2023. The Archaeographic Expedition to Vyatka in 2023. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 71, pp. 516–527 (in Russ.)] EDN: NLRTAZ, <https://doi.org/10.31860/0130-464X-2024-71-516-527>

Бейли, Дж., 2004. Хореические размеры в песнях А.В. Кольцова и Д.Н. Кашина. В: *Избранные статьи по русскому литературному стиху*. Дж. Бейли (ред.). М., с. 109–148. [Bailey, J., 2004. The Trochaic Song Meters of Koltsov and Kashin. In: J. Bailey, ed. *Selected Papers on Russian Literary Versification*. Moscow, pp. 109–148 (in Russ.)].

Бельская, Л.Л., 1984. О полиметрии и полиморфности (на материале поэзии С. Есенина). В: *Проблемы теории стиха*. Л., с. 99–109. [Belskaya, L.L., 1984. On Polymetry and Polymorphism (Based on the Poetry of S. Yesenin). In: *Problems of Theory of Versification*. Leningrad, pp. 99–109 (in Russ.)].

Гаспаров, М.Л., 1984. *Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика*. М. [Gasparov, M.L., 1984. *Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza*. Moscow (in Russ.)] EDN: WTJAKJ

Гаспаров, М.Л., 1989. *Очерк истории европейского стиха*. М., 304 с. [Gasparov, M.L., 1989. *An Essay on the History of European Versification*. Moscow, 304 p. (in Russ.)] EDN: RVIRKL

Гаспаров, М.Л., 2001. *Русский стих начала XX века в комментариях*. М. [Gasparov, M.L., 2001. *Early 20th Century Russian Poetry in Comments*. Moscow (in Russ.)] EDN: PWFIXV

Гаспаров, М.Л., 2012. *Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти*. М. [Gasparov, M.L., 2012. *Meter and Meaning. About One of the Mechanisms of Cultural Memory*. Moscow (in Russ.)] EDN: YLHNUR

Илюшин, А.А., 2004. *Русское стихосложение*. М. [Ilyushin, A.A., 2004. *Russian Versification*. Moscow (in Russ.)] EDN: MYGNPU

Квятковский, А.П., 1966. *Поэтический словарь*. М. [Kvyatkovskii, A.P., 1966. *Poetic Dictionary*. Moscow (in Russ.)].

Корчагин, К.М., 2014. Метрическая амбивалентность в русском стихе («сверхкороткая» силлаботоника, силлабический стих, кольцовский пятисложник и гиперпеон). В: *Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей*. М., с. 87–104. [Korchagin, K.M., 2014. Metric Ambivalence in the Russian Verse (“Ultrashort” Syllabic-Accentual Verse, Syllabic Verse, Koltsov’s Five-Syllable Verse and Hyperpaeon). In: *Corpus Analysis of Russian Verse: Collection of Scientific Articles*. Moscow, pp. 87–104 (in Russ.)] EDN: TIZIVX

Корчагин, К.М., 2015. Начальные переакцентуации (перебои) в русских двусложных размерах (типология и история). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 74(1), с. 19–29. [Korchagin, K.M., 2015. Initial Reaccentuations in Russian Dissyllabic Meters (Typology and History). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 74(1), pp. 19–29 (in Russ.)] EDN: TJEZTX

Орлицкий, Ю. Б., 2005. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии. *Новое литературное обозрение*, 3(73). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html> (дата обращения: 16.11.2025). [Orlitskiy, Yu. B., 2005. Heteromorphic (Unordered) Verse in Russian Poetry. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3(73). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyj-stih-v-russkoj-poezii.html> [Accessed 16 November 2025] (in Russ.)] EDN: HSEGBN

Орлицкий, Ю. Б., 2020. Еще раз о так называемой «силлабике» Бродского и ее объективном контексте — русской силлабике конца XX века. *Известия Смоленского государственного университета*, 1(49), с. 33—46. [Orlitskiy, Yu. B., 2020. Once Again About So-Called Brodsky's "Syllabics" and Its Objective Context — Russian Syllabics of the Late XX Century. *Izvestia of Smolensk State University*, 1(49), pp. 33—46 (in Russ.)] EDN: TZEYLL, <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-33-46>

Петров, А. М., 2021a. Духовные стихи о царевице Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели. *Антропологический форум*, 49, с. 88—131. [Petrov, A. M., 2021a. Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models. *Forum for Anthropology and Culture*, 49, pp. 88—131 (in Russ.)] EDN: FXIXP, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131>

Петров, А. М., 2021b. «Стих умилителен» и его фольклорные версии: книжная силлабика в народной культуре. *Quaestio Rossica*, 9(4), с. 1440—1457. [Petrov, A. M., 2021b. Stikh Umilitelen and Its Folk Versions: A Syllabic-Accentual Interpretation of Literary Syllabic Verse. *Quaestio Rossica*, 9(4), pp. 1440—1457 (in Russ.)] EDN: RRWTCL, <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.648>

Петров, А. М., 2022. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики. *Вопросы языкознания*, 3, с. 54—74. [Petrov, A. M., 2022. Trochaic Tetrameter in Russian Folk Spiritual Verses of Late Tradition: Some Issues of Metrics and Rhythmics. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 54—74 (in Russ.)] EDN: QQJOML, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.3.54-74>

Петров, А. М., 2025. Дефектные строки в народном силлабо-тоническом стихе: случайность или закономерность? *Вестник Московского университета. Серия. 9. Филология*, 5, с. 131—143. [Petrov, A. M., 2025. Defective Lines in Folk Syllabic-Accentual Verse: Accident or Regularity? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 5, pp. 131—143 (in Russ.)] EDN: ROEFUN, <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-11>

Плунгян, В. А., 2005. К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника. В: *Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой*. М., с. 857—869. [Plungian, V. A., 2005. On the Evolution of Russian Metrics: Non-Monotonic Syllabic-Accentual Verse. In: *Language. Personality. Text: Collection of Articles for the 70th Anniversary of T. M. Nikolaeva*. Moscow, pp. 857—869 (in Russ.)] EDN: PYERKT

Плунгян, В. А., 2022. О метрике Игоря Чиннова. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 3, с. 11—36. [Plungian, V. A., 2022. On Igor Chinnov's Metrics. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 3, pp. 11—36 (in Russ.)] EDN: NINKXE, <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.3.2>

Руднев, П. А., Новинская, Л. П., 1986. Об одной композиционной особенности стихотворного текста: к проблеме переходных метрических форм. В: *Жанр и композиция литературного произведения*. Петрозаводск, с. 124—132. [Rudnev, P. A. and Novinskaya, L. P., 1986. On One Compositional Feature of a Poetic Text: On the Problem of Transitional Metrical Forms. In: *Genre and Composition of a Literary Work*. Petrozavodsk, pp. 124—132 (in Russ.)] EDN: WKWCIZ

Семенов, В., 2010. Функциональная биметрия в стихе М. Цветаевой (на материале стихотворения «Неподражаемо лжет жизнь...», 1922). *Toronto Slavic Quarterly*, 32 (Spring), с. 96–111. [Semenov, V., 2011. Functional Bimetrics in the Verse of M. Tsvetaeva (Based on the Poem “Life Lies Inimitably...”, 1922). *Toronto Slavic Quarterly*, 32 (Spring), pp. 96–111 (in Russ.)].

Семенов, В., 2011. Проблема деформации классических метров в русской поэзии конца XX в. с функциональной точки зрения. В: *Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2 ч.* Тарту, с. 507–526. URL: https://ruthenia.ru/Push_Chten5/Semjonov.pdf (дата обращения: 16.11.2025). [Semenov, V., 2011. The Problem of Deformation of Classical Meters in Russian Poetry of the Late 20th Century from a Functional Point of View. In: *Pushkin Readings in Tartu 5: The Pushkin Era and the Russian Literary Canon: On the 85th Anniversary of Larisa Ilyinichna Volpert: in 2 parts.* Tartu, pp. 507–526. Available at: https://ruthenia.ru/Push_Chten5/Semjonov.pdf [Accessed 16 November 2025] (in Russ.)].

Скулачева, Т.В., Петров, А.М., 2023. Правила разметки ударений в стихе и их экспериментально-фонетическая проверка. В: «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей»: Сборник статей к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой. М., с. 250–259. [Skulacheva, T.V. and Petrov, A.M., 2023. Rules of Stress Annotation in Verse and Their Experimental-Phonetic Testing. In: “...Vpered i vverkh po lestnitse zvuchashchei”: A Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Olga Fedorovna Krivnova. Moscow, pp. 250–259 (in Russ.)] EDN: ADDFPJ

Тарановский, К., 2010. *Русские двусложные размеры. Статьи о стихе.* М. [Taranovsky, K., 2010. *Russian Binary Meters. Articles on Versification.* Moscow (in Russ.)] EDN: QUYUTF

Холщевников, В.Е., 1987. Что такое русский стих. В: *Мысль, вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха.* Л. [Kholshchevnikov, V.E., 1987. What Is Russian Verse. In: *Thought Armed with Rhymes: Poetic Anthology on the History of Russian Verse.* Leningrad (in Russ.)].

Шумилова, М., 2024. Русская модель сербского десятисложника в работах А. А. Шумилова: перевод *Горного венца* П. Негоша в сравнении с поэтическими опытами А. Востокова и А. Пушкина. *Зборник Матице српске за славистику*, 105, с. 9–29. [Shumilova, M., 2024. Russian Model of the Serbian Decasyllable in the Works of A. A. Shumilov: Translation of the *Mountain Crown* by P. Njegosh Compared with the Works of A. Vostokov and A. Pushkin. *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 105, pp. 9–29 (in Russ.)] EDN: KEPOWP, https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2024.105.1

Lotman, M., 2022. Secondary Meter. In: *Frontiers in Comparative Metrics 4. September 16–17, 2022. Tallinn University, Estonia: Conference abstracts.* Tallinn, pp. 21–22.

Pilshchikov, I., 2025. New Applications of Jakobson’s “Broad Metrics”: Sung Poetry and Dual-Metered Verse. *Studia Metrica et Poetica*, 12(1), pp. 65–109, <https://doi.org/10.12697/smp.2025.12.1.03>

Scherr, B.P., 2023. Metrical Ambiguity. *Studia Metrica et Poetica*, 10(2), pp. 7–31, <https://doi.org/10.12697/smp.2023.10.2.01>

Список источников

Бучилина, Е. А., (сост.), 1999. *Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области.* М.

Кузнецова, В. П. (сост.), 2015. *Духовные стихи Русского Севера.* Петрозаводск.

Ломоносов, М. В., 1959. *Полное собрание сочинений.* Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.

Негош, Петар II, 2017. *Луча микрокозма* (Петр II Петрович-Негош. *Луч микрокозма*. Перевод И. Числова). Беране; Никшић; Београд.

Петрова, Л. А. (сост.), 2024. *Светская и духовная поэзия XVII – XX вв.* Н. Ю. Бубнов (науч. ред.). СПб.

Поздеева, И. В. (ред.), 2007. *Кому повею печаль мою: Духовные стихи Верхотамья: Исследования и публикации.* М.

Селиванов, М. Ф. (сост.), 1991. *Стихи духовные.* М.

Срезневский, В. И., 1908. Бегунские стихи. В: *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола.* Вып. 1. В. Бонч-Бруевич (ред.). СПб., с. 228 – 274.

Об авторе

Александр Михайлович Петров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

ORCID: 0000-0002-5095-4254

SPIN-код: 9363-9969

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

Для цитирования:

Петров А. М. О пограничных явлениях в фольклорной метрике // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 203 – 221. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ON BORDERLINE PHENOMENA IN FOLKLORE METRICS

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, Russia

Received on 12.11.2025

Accepted on 15.03.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12

The paper examines several diffuse phenomena in poetic meter, including heterometric verse, heteromorphic verse, metrical ambiguity, and blurred boundaries between systems of versification. Although these issues have attracted scholarly attention, most previous research has focused on literary texts. This study presents several examples of such “borderline” phenomena identified in folklore verse, or in verse closely related to folklore. The object of study is late spiritual verse in the form of a trochaic trimeter. The array of texts is presented in two main varieties: 1) poems with feminine clausulae and weakened pair rhyme and 2) poems with cross-weakened rhyme (feminine – masculine – feminine – masculine). I suggest that verses of the first type date back to the syllabic versification of the 17th – 18th centuries. They were widely circulated among Old Believers, but over time these verses began to be perceived as syllabic-accentual ones. In the 20th century they were published primarily in the form of texts composed in trochaic trimeter. Poems of the second type are associated

with the later literary tradition of syllabic-accentual verse, they are to a lesser extent assimilated into folk culture. I identified metrical types that can have several interpretations, and therefore I propose the term “metrical uncertainty” rather than “metrical ambiguity”: it covers the entire potential set of interpretations of metrics.

Keywords: folk verse, spiritual verse, syllabic verse, syllabic-accentual verse, metrical ambiguity, polymetrical verse, heteromorphic verse, heterometrical verse

Acknowledgements. The paper was written at the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences within the framework of the state assignment No. 124022000077-1 “Folklore and Literature of the Indigenous Peoples of North-West Russia and Finland.”

The author

Dr Alexander M. Petrov, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-5095-4254

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

To cite this article:

Petrov, A. M., 2026, On borderline phenomena in folklore metrics, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 203–221. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-12.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))